

Жизнь врасплох

*Вег. Москва. - 1999. - 30 сент.
912.*

Является ли документальный фильм произведением искусства? Не всякий и не всегда.

Кино Сергея Дворцевого «Хлебный день» — счастливое исключение из правил.

День кончился — хлеб смели

Алиса ХМЕЛЬНИЦКАЯ

● По заснеженным путям старухи руками толкают железнодорожный вагон. Медленно, шаг за шагом, так, что у сидящих перед экраном начинает ныть внутри от желания помочь и невозможности это сделать. Длинный-предлинный план — невидимый оператор с неподъемной камерой на плечах следует за старухами весь путь. Ни единой склейки в течение первых пяти минут, совсем как в «элитных фильмах» Сокурова или Хичкока. Гипноз плавного, размеренного движения, ненавязчивая метафора жизненного пути. И вместе с тем — никакой схоластики, простая, обиходная жизнь, застигнутая врасплох.

Так начинается документальный фильм Сергея Дворцевого «Хлебный день». Он снят не во время войны и не на бескрайних сибирских просторах, а в конце 90-х нашего века в 80 километрах от северной столицы — Санкт-Петербурга... Идти этим старухам несколько километров. День вползает в поселок с этим одиноким вагоном, который нагружен лотками с хлебом. Кажется, посчитать лотки достанет пальцев на одной руке. Машинист же довести вагон до поселка отказывается, опасаясь опрокинуть состав на сгнивших рельсах. Зловещий абсурд по-русски. Для забытых

детьми и властью старух еженедельный ритуал «доставки хлеба» — главное событие на целых семь дней. Этаким странным праздником. До вечера — толкотня в сельмаге, хмельные прибаутки пьяных ухарей, истерики пожилой продавщицы. А завтра — сонный штиль.

И все-таки: от чистого снега, вилянья собачьего хвоста или старушечьих прибауток ужас отступает, безысходность рассеивается, и как-то исподволь рождается гармония. «Вне города — зримая цельность мира. Есть животные, есть люди, есть природа. Полный набор красок. И ты как хочешь, так и дозируешь это», — поясняет режиссер Сергей Дворцевой.

Разумеется, «коктейли» Дворцевого не всем приходятся по вкусу. Еще с первой дипломной картины «Счастье» режиссеру знакомы обвинения в «чернухе». В одном из эпизодов дебютного фильма маленький казахский ребенок, сын чабана, сидя на полу юрты, руками собирал по тарелке еду, сначала бодро, потом сонно отправляя ее в рот, а затем, уже спящий, откидывался на спину. Без всякого монтажа, в одном кадре под неусыпным взглядом камеры, которую поборники детского счастья и гигиены окрестили очернительской.

«Почему многие документалисты не хотят снимать о деревне? — размышляет Сергей Дворцевой. — Потому что не уважают своих соотечественников. Зачем показывать это убожество и нищету? — рассуждают они. Иностранцы ценят нас больше, чем мы сами себя. Голландцы из маленьких городков, где демонстрировался «Хлебный день», говорили, что воспринимают его героев как симпатичных людей, оказавшихся в трудных условиях, а вовсе не жалеют как дикий или уродов. Это российская установка: зритель — это судья, а режиссер тем более».

Попасть в «телеящик» — не самая большая мечта автора «Хлебного дня»: «Мое дело — снимать фильмы, верю, что наступит момент, когда неигровое кино снова будут показывать в кинотеатрах. Это вопрос времени и повышения уровня жизни».

● «Хлебный день», 1998, Россия, реж. С. Дворцевой, воскресенье, РТР, 17.00